

17. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (далее – НИАБ в г. Минске). – Ф. 458. – Оп. 1. – Д. 49.
 18. НИАБ в г. Минске. – Ф. 2254. – Оп. 2. – Д. 122.
 19. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1877 год // Журнал Министерства народного просвещения. – 1879. – Ч. 205, № 9. – С. 1–61; № 10. – С. 93–155.

Дата поступления: 01.10.2018.

Острога В. М.

Белорусский государственный технологический университет, Минск

Ostroga V.

Belarusian State Technological University, Minsk

УДК 316.3562:37-054.7«18/19»

СЕМЬЯ В ЖИЗНИ УЧИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

FAMILY IN THE LIFE OF BELARUSIAN TEACHERS (THE SECOND HALF OF XIX – EARLY OF XX CENTURY)

Семья принадлежит к важнейшим ценностям в жизни человека, поэтому от того внимания, какое придавало и придают этому социальному институту общество и государство, во многом зависит его будущее. Какой бы стороны социальной жизни мы ни касались, вопросы брака и семьи относятся к проблемам, привлекающим пристальное внимание исследователей. В статье рассматриваются различные аспекты семейного положения учителей Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: ценность семьи в жизни учителя и возможности для ее создания, отношение к вступлению в брак учебной администрации, численность холостых (замужних) и состоящих в браке, бытовые условия жизни семейных учителей, воспитание их детей и др.

Ключевые слова: учитель; учебное заведение; семейное положение; брак; замужество; семейный вопрос; повседневная жизнь; семейный бюджет.

The family belongs to the most important values in a person's life, therefore, the future depends on the attention that the society and the state give to this social institution. Whichever side of social life we touch, the issues of marriage and family concern problems that always attract close attention of researchers. The article examines various aspects of the marital status of teachers in Belarus in the second half of the nineteenth and the beginning of the twentieth centuries: the value of the family in the life of the teacher and the possibilities for creating it, the attitude towards the marriage of the educational administration, the number of single (married) and married, life of family teachers, the upbringing of their children, and others.

Keywords: teacher; educational institution; marital status; marriage; marriage; the family issue; everyday life; family budget.

Во второй половине XIX – начале XX в. на территории Беларуси достаточно динамично развивалось народное образование. Значительно расширилась сеть различных типов учебных заведений, обеспечивающих получение навыков чтения и письма. Просветительская деятельность школы заметно возрастала и охватывала не только огромное количество детей и подростков, но и многочисленные группы взрослого населения. Значительную часть интеллигенции составляло учительство, которое характеризовалось, в основном, недостаточным уровнем профессиональной подготовки, молодым возрастом, незначительным педагогическим стажем и неоднородностью социального происхождения. Наблюдалась тен-

денция увеличения работающих женщин-педагогов. Большинство среди «учащих» не торопилось или не могло создать и обеспечить семью.

Согласно первой школьной переписи 1880 г., в шести губерниях Виленского округа насчитывалось 1226 учителей и 324 учительницы, следовательно, учителя составляли 79,1 %, учительницы – 20,9 %. Как видно из данных переписи 1911 г., общее количество учителей выросло до 6959 человек, или 63,5 %, учительниц – до 4006, или 35,5 % [1, с. 12]. Для женщин учительство являлось наиболее доступным поприщем для самостоятельной деятельности, а часто – «единственным средством для добывания насущного куска хлеба путем благородного честного труда».

Женский педагогический труд успешно конкурировал с мужским, прежде всего потому, что служба в начальной школе для мужчин в материальном отношении сильно уступала другим видам профессиональных занятий (240–360 руб. в год). На протяжении рассматриваемого периода доля учительниц среди общей численности педагогов непрерывно увеличивалась.

По возрасту большинство учителей составляла молодежь, которая обычно приступала к педагогической деятельности как к своему первому самостоятельному занятию. В 1880 г. среди мужчин в школах в возрасте до 30 лет работало около 77 %, в 1911 – 70 %. Среди женщин, соответственно, 87 % и 81 %. Большинство из них преподавало в возрасте 21–25 лет.

В 1880 г. большинство учителей (54 %) и практически все учительницы были в числе лиц, которые не находились в браке. И в начале XX в. во всех белорусских губерниях $\frac{3}{4}$ всего преподавательского персонала состояло из холостых учителей и незамужних учительниц. Согласно данным 1903 г. в Гродненской епархии среди 347 учителей церковноприходских школ было 234 холостых учителей и 76 незамужних учительниц, в браке соответственно находился 31 учитель и 3 учительницы. Аналогичная картина наблюдалась и в Могилевской епархии. Из 546 преподавателей неженатых было 275 и 178 незамужних, в браке находился 81 учитель, только 1 учительница и 11 человек вдовых [2, с. 86, 88]. Сравнивая показатели 1880 и 1911 гг. по Виленскому учебному округу, видно, что количество холостых сельских учителей увеличилось с 65,9 % до 67,4 %, соответственно, процент женатых сократился. Процент незамужних сельских учительниц сократился с 86,4 до 86,4. Процент вдовых сельских учителей повысился с 1,1 до 1,3, вдовых сельских учительниц понизился с 4,6 до 3,7. Статистические данные позволяют утверждать, что, как и раньше, семейных среди преподавателей низших учебных заведений было весьма незначительное количество.

В городских учебных заведениях число семейных «учащих» было значительно выше, чем в селениях. В городах холостых учителей – 30 % и учительниц – 76,1 %. В частности, наибольшим процентом женатых учителей в городах отличались еврейские школы всех типов, а также приходские и железнодорожные школы. Наибольшим, сравнительно, процентом замужних учительниц выделялись в городах и селениях школы еврейские и железнодорожные. В двухклассных училищах женатых учителей было 43,7 %, замужних учительниц – 15,9 %, в одноклассных первые составляли 30,6 %, вторые – 11,4 % [1, с. 13]. Несколько иная ситуация наблю-

далась в среде преподавателей средних учебных заведений, где большая половина преподавателей имели семью и в среднем по 3–4 ребенка. Эти данные находились в прямой зависимости от материального положения «учащих» и отчасти от условий городской и сельской жизни в крае.

Согласно законам Российской империи разрешалось вступать в брак всем совершеннолетним. Для лиц, состоявших на военной и гражданской службе, требовалось согласие их начальства. Но ни одно гражданское ведомство не запрещало ни одному чиновнику жениться. По вопросу замужества учительницы и возможности ее дальнейшей работы возникали различные мнения (в ряде российских губерний – Архангельской, Тобольской, Олонецкой, также в Санкт-Петербурге и др. – незамедлительно следовало увольнение с занимаемой должности), хотя в нормативной базе никаких ограничений по этому поводу не было.

Учительницы городских средних учебных заведений, в отличие от их коллег из сельских школ, имели право на оплачиваемый декретный отпуск (до 2 месяцев) и при необходимости на дополнительный «без содержания». Совсем иное положение занимали учителя и учительницы низших школ. Но, как часто отмечали сами учителя, «у школьного начальства существует какой-то особенный взгляд на замужних учительниц: к ним как-бы снисходят, их терпят, как неизбежное зло. Учительницы, выходя замуж, чувствуют, что они как-бы преступление против кого-то или чего-то совершили» [3, с. 145]. Для учителей начальных народных школ вступление в брак являлось почти «непозволительной роскошью». Рождение детей влекло за собой прерывание на определенное время учебного процесса. Заменить их на должности было некому, исключение составляли те, у кого мужа также являлись учителями одного училища.

Циркуляром от 28 августа 1880 г. Министерство народного просвещения объясняло, что замужество не могло лишать учительницу приобретенных ею образованием прав, но если «в отдельных случаях семейные обязанности препятствуют какой-либо учительнице с успехом исполнять прежние обязанности ее по службе, то вопрос об оставлении ее при гимназии должен быть решен для каждого случая отдельно» [4, с. 29].

Также следует отметить, что определенную роль в безбрачии значительной части учительниц играли не только дискриминация замужних со стороны учебного начальства, но и трудности с выбором достойного супруга в деревенской глуши, где «учащая», как правило, была единственной представительницей интеллигенции. Впрочем, некоторые учительницы сознатель-

но отказывались от создания семьи, считая, что только таким образом они могут всецело посвятить себя своей профессиональной деятельности, которая для них была высшей ценностью [5, с. 50].

Следует подчеркнуть, что во многих округах Российской империи существовала практика контроля личной жизни не только учительниц, но и учителей: например, следовало доносить учебному начальству о намерении вступить в брак, а где и получить на это особое разрешение. В прошении о браке, которое учитель направлял в дирекцию народных училищ, указывались социальное происхождение избранника или избранницы, род занятий и вероисповедание (должно быть обязательно православное). В случае положительного решения вопроса учителям высылались свидетельства или так называемые билеты на женитьбу с записью, что преград для заключения брака у дирекции нет. Так, невеста учителя В. Вишневого с Барковского училища Витебской губернии «при вступлении в брак приняла православие». Только после этого педагог мог создать с нею семью [6, л. 12]. А вот учитель Д. Лапатко Холопеничского училища Минской губернии за разрешением вынужден был обратиться в Министерство образования, так как «невеста католического вероисповедания, и Минская дирекция не разрешила, ссылаясь на существующее распоряжение, запрещающее такие браки в здешнем крае народным учителям». Из Санкт-Петербурга пришел положительный ответ. Возможно, «просимая милость в виде исключения» была подарена потому, что учитель отработал в школе 25 лет и имел звание «личного почетного гражданина» [7, л. 37].

Но именно в семье человек ощущает свою целостность, свою завершенность, стабильность в жизни. Семья дает человеку чувство устойчивости, комфорта и личностного развития. Но не всегда желания и надежды могли реализоваться в условиях суровой действительности. В этой связи один сельский учитель писал, что «...с каждым днем хороню все глубже и глубже свою идею о браке по любви, что все мои мечты о дорогой, любимой, разлетаются в прах... Припомнился мне совет старого директора семинарии С.: “Женитесь на грамотных крестьянках!”. Это верно, если жить, “не мудрствуя лукаво”, жить так, как отцы и деды жили; жить так, чтобы только пить, есть и одеваться. Но я хотел чего-то большего!» [8, с. 74].

Учителя городских училищ имели больше возможностей выбора «второй половинки», да и в материальном плане обеспечены были несколько лучше. Но при этом большинство из них старалось «подыскать себе такую подругу жизни,

которая могла бы сама добывать хоть что-нибудь. Женятся они на акушерках, учительницах, телеграфистках» [9, с. 255].

Попытку посчитать средний учительский бюджет народного учителя в конце XIX в. сделал А. И. Самойлович – бывший инспектор Витебской дирекции. Он попробовал перевести на деньги все то, что представлялось учителю бесплатно дополнительно к «жалованью». Квартиру, которую выделяли для учителя, в деревне можно было нанять за 15–20 руб., отопление стоило 10–20 руб., освещение – 7–10 руб., услуги сторожа – 12–15 руб., огород давал 5–20 руб., а вместе со «ссыпкой» стоимость всего доходило до 100 руб. Но за 200 руб. заработной платы с вычетом 12 руб. в пенсионную кассу и 1 руб. в кассу общества взаимопомощи учителю необходимо было кормить, одевать, воспитывать (оплачивать учебу в средних учебных заведениях) и при необходимости лечить детей, а также удовлетворять свои интеллектуальные требования. Возможны были и непредвиденные расходы. Небольшой семье из 4 душ на полугодное питание из расчета по 4 руб. в месяц на человека было необходимо 192 рубля. На все остальное оставалось только 8 руб. Инспектор удивлялся такому уменю сводить концы с концами и просил бога «уберечь учителя даже от мысли обзаводить семьей» [10, с. 41–42].

На первом Всероссийском съезде товариществ взаимопомощи открыто заявлялось, что «учитель (семейный) – это пролетарий, почти нищий, потому что всегда недоедает, недопивает и всегда имеет долги у мясников, кравцов и шевцов», а «о сбережениях для улучшения своего быта не может быть и речи» [11, с. 22]. Так, И. Катусенко с Двинского уезда в 1911 г. сообщал в дирекцию народных училищ: «Мы дошли до нищенства, и я боюсь за судьбу своих детей... Питание самое недостаточное» [12, л. 2]. Опытные земские врачи смотрели на народную школу как на «инфекционный барометр». Все эпидемические заболевания вместе с детьми не одного, а нескольких сел приносились в училище, где и жил учитель с семьей. В свою комнату он проходил не иначе, чем через класс. Бывало и наоборот: ученики в класс шли через квартиру учителя. Например, в Речицком уезде в начале XX в. не было ни одной школы, где бы учитель заходил к себе через самостоятельный вход. В 1902 г. один врач подчеркивал: «При исследовании быта учителей еще не получены точные сведения о смертности среди учительских детей, но она, несомненно, большая» [11, с. 26].

С учительской заработной платой семейному педагогу было намного сложнее прожить, чем холостому. Государство в поддержке семей педаго-

гов делало очень мало. Еще в 1872 г. на съезде директоров народных училищ Виленского учебного округа обсуждали предложение о выдаче помощи «учащих» в народных училищах при заключении брака в размере 50 руб., но оно так и не было принято и оставлено на личное усмотрение учебного начальства [13, л. 401]. Определенной привилегией для всех служащих в мужских средних учебных заведений Министерства просвещения с педагогическим стажем не менее 10 лет, в том числе и находившимся в отставке (если они представляли свидетельство о бедности), было освобождение от платы за учение в мужских гимназиях, прогимназиях и реальных училищах (стоимость «воспитания учащихся» составляла 80–100 руб. в год). Это положение было закреплено в уставах средних учебных заведений. В 1893 г. на основе постановления «Об освобождении детей служащих от платы за учебу в разных учебных заведениях» такое же право распространяется и на учительских дочерей, а также служащих в министерских народных училищах [14, с. 842]. В начале XX в. аналогичную привилегию получают служащие в женских гимназиях и прогимназиях.

В городах директора народных училищ выделяли специальные помещения для жилья начальникам училищ, которые также не всегда соответствовали необходимым санитарным нормам. Так, квартира учителя-инспектора, расположенная в здании Слуцкого городского училища, представляла собой «самое убогое помещение, одну большую комнату, разделенную дощатыми перегородками на 3 комнаты без всяких удобств, которые необходимы для жизни всякого семейного человека, даже нет кухни» [15, л. 79, 104]. Что же касается самих учителей, то при наличии свободных помещений с разрешения начальника они получали квартиры при училищах, выполняя все правила по внутреннему порядку, выработанные начальником и утвержденные директором народных училищ. Но таких счастливиц было мало. Согласно анкетным данным, большинство учителей нуждалось в улучшении жилищных условий, так как они «арендовали съемное жилье»: «ютились на краю города в квартирке в 2–3 комнаты при семье в 5–6 человек» («отец семьи нередко не имеет особой комнаты для отдыха после трудового дня») и вынуждены были заниматься за одним столом с детьми [16, с. 114].

В значительно лучше материальном положении находились преподаватели средних учебных заведений, которые в среднем зарабатывали не менее 2500 руб. в год. Жилищные условия большинства учителей средних школ были хорошие. Выходцы в своем большинстве из состоятельных слоев общества, многие были обеспечены собственным жильем. Согласно су-

ществующим нормам и правилам, при наличии свободных помещений в школе их могли предоставить в качестве квартир учителям. Иногда это делалось бесплатно, если служащему в учебном заведении полагалась квартира по штатному расписанию. Если гимназия располагала средствами, то она могла оплатить аренду квартиры для педагога. Например, считалось, что в 3–4-комнатных квартирах семейные педагоги не жили, а «ютились». Что же касалось холостых, то они имели, как правило, 2-комнатные квартиры [17, с. 187]. Достаточная и даже излишняя жилплощадь позволяла многим из них за определенную плату «содержать учеников-пансионеров», что разрешалось уставами самих средних учебных заведений. Быт и условия жизни учителей гимназий и реальных училищ соответствовали примерно сложившимся стандартам в средних слоях городского населения. Скажем, домашняя работа (уборка квартиры, стирка одежды, приготовление пищи) выполнялась прислугой. В бюджетах женатых учителей значились расходы на кухарку, горничную, а если учитель имел детей, то и на няню.

В архивах сохранились списки вещей учителей, которые сгорели во время пожаров вместе со зданиями народных училищ. Они дают представление о приобретенном педагогами имуществе и всем том, что окружало их в повседневной жизни. Для одиноких все их богатство обычно составляла кухонная посуда, несколько книг и одежда с обувью. Женатым «квартиру приходилось обставлять семейным образом... с целью хоть немного сделать привлекательным тот угол, в котором приходилось жить. Я. Короб из Могилевской губернии до пожара смог приобрести, кроме одежды и обуви, постельное белье, ска-терти, кухонную и столовую посуду, полотенца, альбомы, книги и др. на общую сумму 300 руб. Список личных вещей Е. Бонасова той же губернии включал 34 наименования, среди которых самыми ценными были ковер, одеяло, подушки, сундук с бельем, чемодан (на 567 руб.) [18, л. 234, 284]. Одежда сельских учителей и членов их семей была достаточно скромной. Их коллеги, которые вели городской образ жизни, должны были модно одеваться, бывать в гостях, принимать их у себя и нести иные расходы, связанные с городской жизнью. Сельские учителя и их жены «находили удовлетворение в ношении самой простой одежды, близкой к крестьянской... поэтому на нее идет очень небольшая сумма» [19, с. 27].

Определенный доход семье сельского учителя мог принести и участок земли, который обычно был при каждом училище. Часто при определении учителей на службу дирекции обращались в волостные правления с просьбой

«принимая к сведению ограниченность средств для жизни... уступить хоть небольшой огород, который мог служить немалым подспорьем в скромном хозяйственном бюджете» [20, л. 42]. Но многие учителя во время летних каникул уезжали к родителям и землю за несколько рублей сдавали в аренду. Семейные обычно оставались на месте, работая вместе с детьми на пришкольном участке. Так, один из учителей Слонимского уезда гордился, что он «никогда не покупает ни ягод, ни овощей ... малина, смородина, крыжовник, клубника, груши, яблони – все здесь есть. Посажены цветники-летники» [21, с. 22]. Некоторые держали домашних животных и птиц, занимались сельским хозяйством на арендной земле, как, например, И. Пуеринов из Хадченского училища Могилевской губернии. У него были «две коровы, теленок, свои зерно и мука» [22, л. 50]. Городские учителя таких возможностей не имели. Чтобы укрепить семейный бюджет,

они искали «дополнительные занятия» в других учебных заведениях. Иногда во второй половине дня в различных учреждениях города они выполняли функции письмоводителей, счетоводов, сторожей и др.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. личная жизнь учителя во многом зависела как от учебного начальства, так и от разных объективных условий, среди которых особенно выделялись материальные. Семейный вопрос являлся одной из самых мучительных проблем в жизни учителей, в первую очередь преподавателей народной школы. Многие современники были убеждены в том, что до тех пор, пока педагог не будет материально обеспечен настолько, чтобы мог обзавестись семьей и не бояться за участь детей, деятельность его не могла протекать нормально, ибо «неудовлетворенная потребность иметь семью будет часто волновать его и причинять ему ненужные страдания».

Список использованных источников

1. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Выпуск VIII. Виленский учебный округ / под ред. В. И. Покровского. – СПб.: Тип. т-ва «Екатерингофское Печатное Дело», 1914. – 134 с.
2. Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884–1909). – СПб.: Синод. тип., 1909. – 686 с.
3. Я. К. Правовое положение народного учителя / Я.К. // Русская школа. – 1908. – № 5. – С. 128–145.
4. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения / сост. М. В. Родевич. – СПб.: Тип. д-ра М. А. Хана, 1884. – 88 с.
5. Говоров, С. К. Брачный вопрос в быту учащихся начальной школы / С. К. Говоров. – М., 1903. – 76 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минск (далее – НИАБ в Минске). – Ф. 2507. – Оп. 1. – Д. 1332.
7. НИАБ. – Ф. 458. – Оп. 1. – Д. 337.
8. Из жизни русского народного учителя / И. А-вль // Русская школа. – 1911. – № 11–12. – С. 51–75.
9. Клод, С. Десять лет в сельской школе / С. Клод // Педагогический листок. – 1911. – Кн. 4. – С. 233–256.
10. Самойлович, И. А. Экономическое значение народного образования: положение последнего и его нужды в Витебской губернии / И. А. Самойлович. – Витебск: Губ. тип., 1903. – 82 с.
11. Тулупов, Н. Первый Всероссийский съезд обществ вспомоществования лицам учительского звания / Н. Тулупов. – М.-Л.: Работник просвещения, 1930. – 37 с.
12. НИАБ в Минске. – Ф. 2515. – Оп. 1. – Д. 22.
13. НИАБ в Минске. – Ф. 458. – Оп. 1. – Д. 260.
14. Настольная книга по народному образованию. 1899–1911: в 3 т / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. – СПб.: Т-во «Знание», 1901. – Т. 2. – С. 715–1538.
15. НИАБ в Минске. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 17.
16. Запанков, Н. А. К вопросу о материальном положении учителей городских, по Положению 1872 г., училищ / Н. А. Запанков // Русская школа. – 1909. – № 7/8. – С. 111–121.
17. Бюджет служащих в мужских гимназиях и реальных училищах по данным анкеты Прогрессивной группы / Русская школа. – 1910. – № 7/8. – С. 182–194.
18. НИАБ в Минске. – Ф. 2254. – Оп. 2. – Д. 679.
19. Тарнавский, А. Об обязанностях учителя и учительницы начального народного училища. Опыт краткого руководства / А. Тарнавский. – М.: Изд-во К. И. Тихомирова, 1904. – 411 с.
20. НИАБ в Минске. – Ф. 2507. – Оп. 1. – Д. 2148.
21. Луппиан, С. О. О летнем отдыхе сельского учителя / С. О. Луппиан // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1906. – № 1. – С. 20–23.
22. НИАБ в Минске. – Ф. 2254. – Оп. 1. – Д. 678.

Дата поступления: 27.09.2018.